

Academia. Архитектура и строительство, № 1, стр. 52–57.

Academia. Architecture and Construction, no. 1, pp. 52–57.

Исследования и теория

Научная статья

УДК 711:72.009

DOI: 10.22337/2077-9038-2025-1-52-57

1917–1950-е годы: развитие градостроительного силуэта социалистического Петрограда–Ленинграда по традициям императорского Санкт-Петербурга

Семенцов Сергей Владимирович (Санкт-Петербург). Доктор архитектуры, профессор, член-корреспондент РААСН. Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет (Россия, 190005, Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., 4. СПбГАСУ). ResearcherID: E-3237-2017; ORCID: 0000-0002-2502-977X. Эл. почта: s.sementsov@mail.ru

Аннотация. В представленной статье рассматриваются особенности развития градостроительства, архитектурного творчества и монументального искусства Петрограда–Ленинграда в 1917–1950-е годы в рамках выявления фундаментального единства с закономерностями пространственного развития императорского Санкт-Петербурга 1710-х – 1917 года. Такой взгляд позволил отказаться от однозначности и стандартности видения создания советского Ленинграда как города, громогласно отрицающего предшествующие двухвековые линии градостроительного формирования и погружённого только в революционность социалистического развития. В процессе исследования было выявлено, что даже абсолютный революционный максимализм в градостроительстве и архитектуры Петрограда–Ленинграда 1920-х – начала 1950-х годов, как оказалось, содержал в себе глубинные черты преемственности императорских традиций Санкт-Петербурга на примере реализации именно ленинградскими архитекторами мечты дореволюционных поколений об особой небесной линии застройки столицы на Неве. Показано, что среди особых заслуг ленинградских архитекторов было то, что они сумели даже в обход требований государственного и партийного руководства ненавязчиво и вполне логично продолжить развитие идей «проклятого императорского Санкт-Петербурга».

Ключевые слова: Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград; революционность социалистического отрицания и традиционность императорской преемственности направлений градостроительно-архитектурного и монументального видов ленинградского творчества; «авангард» и «социалистический неоклассицизм» как стили эпохи

Для цитирования. Семенцов С.В. 1917–1950-е годы: развитие градостроительного силуэта социалистического Петрограда–Ленинграда по традициям императорского Санкт-Петербурга // Academia. Архитектура и строительство. – 2025. – № 1. – С. 52–57. – DOI: 10.22337/2077-9038-2025-1-52-57.

1917–1950s: Development of the Urban Silhouette of Socialist Petrograd–Leningrad in the Traditions of Imperial St. Petersburg

Sementsov Sergei V. (Saint-Petersburg). Doctor of Sciences in Architecture, Professor, Corresponding Member of RAACS. Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering (4, 2 Krasnoarmeiskaya St, Saint Petersburg, 190005, Russia. SPbGASU). ResearcherID: E-3237-2017; ORCID: 0000-0002-2502-977X. E-mail: s.sementsov@mail.ru

Abstract. The article presents the features of the development of the urban silhouette of socialist Petrograd-Leningrad in 1917–1950, in accordance with the ideas, requirements, and decrees from the imperial times, starting with Peter I, but not implemented until the beginning of the 20th century. It was Leningrad architects who managed to implement these long-standing ideas in the 20th century, aligning historical and new buildings under a "single cornice" and creating a system of high-rise dominants that were clearly verified in terms of placement, silhouettes, and vertical dimensions. This allowed to form a city-wide silhouette of the skyline of the city on the Neva, which has become universally recognized on a global scale.

Keywords: St. Petersburg, Petrograd, Leningrad, the unity of ideas of creating the urban silhouette, Leningrad architects

For citation. Sementsov S.V. 1917–1950s: Development of the Urban Silhouette of Socialist Petrograd–Leningrad in the Traditions of Imperial St. Petersburg. In: *Academia. Architecture and Construction*, 2025, no. 1, pp. 52–57, doi: 10.22337/2077-9038-2025-1-52-57.

Введение

При разработке этой статьи автор обратил внимание на явное укоренение идей об особенностях советской градостроительно-архитектурной культуры как специально реализованных коренных отличиях от всей дореволюционной деятельности [1–4]. В историческом поле послереволюционных десятилетий для Петрограда–Ленинграда можно увидеть параллельность действия разнофакторных и разнонаправленных явлений – от конструктивистских до классицистических, от лозунговых разрушительных до щадяще охранительных. При этом необходимо было разобраться в социокультурной, в том числе и в градостроительно-архитектурной, сфере первой половины XX века: происходил ли полный разрыв с прошлыми традициями – осуществлялась ли здесь РЕВОЛЮЦИЯ, или в какой-то определённой, возможно, в неявной форме и малой мере продолжали реализовываться некоторые непрерывные процессы в рамках ещё дореволюционных императорских традиций, то есть в значительной мере – процессы ЭВОЛЮЦИИ?

Подготовка статьи потребовала разработки особых линий подробного параллельного градостроительно-композиционного, структурно-морфологического, пространственно-ландшафтного, культурологического исследования особенностей развития градостроительства, архитектуры и монументального искусства в Санкт-Петербурге – Петрограде – Ленинграде в XVIII – середине XX века.

Градостроительная среда Санкт-Петербурга воспринималась на протяжении десятилетий не только «просто» в качестве материальной среды жизнедеятельности, но и гораздо «тоньше», многограннее – в качестве особой, специально формируемой «РЕЖИССУРЫ» пространства, функций, образов. При этом в этих линиях развития Санкт-Петербургского градостроительно-пространственного феномена, как ни странно, достаточно явно прослеживаются глубинные эволюционные тенденции.

Новации и традиции в формировании пространств и территорий

С 1917 года во всех властных структурах России провозглашались идеи полного отказа от всего императорского, от всего религиозного, от всего исторического и явного перехода к абсолютным новациям. Везде последовательно возникали новое градостроительство, новая архитектура, новое искусство, новая среда. Но в «историческом» Петрограде–Ленинграде было не совсем так. Да, в нём присутствовали новые веяния и новые черты данной эпохи, вплоть до новой социалистической архитектуры (в контексте отдельных зданий и

малых комплексов) и нового градостроительства (например, при начале формирования линейного города для завода «Электросила»), но как-то опосредованно, без абсолютного давления, без абсолютного диктата. Даже в условиях новой политической и административной диктатуры властей (с учётом прессинга их идей) старый и новый Петроград–Ленинград получался каким-то не совсем современным, включавшим традиции дореволюционного мышления и новых веяний. Как будто современный социалистический Ленинград был «отягощён» историческим императорским наследием. Почему, в чём здесь загадка?

Один из моментов такого единства ярко проявился в осознанной РЕЖИССУРЕ силуэтного решения города. Большинство специалистов и гостей нашего города отмечают его высоко ценимое силуэтное решение как в дореволюционном зодчестве, так и в градостроительстве вплоть до конца 1950-х годов: на принципах безграничного единства рядовой застройки, высотой в самом центре города в два-три этажа, а на периферии центра – высотой до пяти-шести этажей, с равномерным карнизным решением и небольшим количеством возвышающихся над ними (карнизами) высотных доминант. Эта особенность получила в общественном сознании особый термин – «небесная линия», и совершенно заслуженно относится к самым главным, самым значимым сохраняемым и подлежащим и в дальнейшем сохранению параметрам исторической застройки [5].

При изучении этого Санкт-Петербургского феномена можно выделить две неразрывные составляющие: 1) особенности развития массовой фоновой застройки; 2) особенности развития системы вертикальных доминант.

Фоновая застройка

Создание такой системы чёткой брандмауэрной горизонтальной линии фоновой застройки полностью соответствует традициям исторического Санкт-Петербурга. При всех Императорах – от Петра I Алексеевича до Николая II Александровича – всегда стремились формировать застройку по этим общим закономерностям, что должно было приводить к равномерности и единой этажности всей фоновой застройки. Идея чёткой горизонтальности фоновой застройки пронизывала всё дореволюционное (до 1917) градостроительное законодательство. Высотность и этажность сооружаемых (реконструируемых) зданий всегда была Высочайше регламентируемым параметром.

Императорские указы предопределяли жёсткие вертикальные ограничения («строить не выше»), но сама застрой-

ка не успевала за этими требованиями, практически почти в каждом историческом квартале вплоть до конца 1930-х годов сосуществовали здания и строения разноэтажные – от одного до пяти-шести этажей – как кирпичные (которые могли продолжать функционировать), так и деревянные (подлежащие сносу без права ремонта). Эта ситуация неравномерности в этажности застройки ещё более усугубилась после революции 1917 года, в особенности во время Блокады 1941–1944 годов, когда большинство (тысячи) городских деревянных зданий были разобраны на дрова, а сотни кирпичных зданий были разрушены в результате гитлеровских бомбёжек и артиллерийских обстрелов. Именно после 1917 года была осуществлена усилиями советских градостроителей и архитекторов эта двухвековая императорская идея. Начиная с 1922 года, в Петрограде–Ленинграде ежегодно разрабатывалась и реализовывалась программа надстройки сотен зданий на один-два-три-четыре этажа, вплоть до высоты «верха карниза Зимнего дворца». Даже массовая застройка уже социалистических районов на проспекте Стачек, вдоль Международного и Кировского проспектов, на Малой Охте осуществлялась по этим же правилам. Следы таких надстроек видны повсеместно: фасады подавляющего большинства таких зданий сохранили даже первоначальные, хорошо читающиеся карнизы (рис. 1).

Вертикальные доминанты

Для нас является естественным, что как в самом центре, так и в окружающих его предместьях и пригородах существует минимальное количество вертикальных доминант, возвышающихся над полем фоновой застройки. Мы воспринимаем это как историческую данность. Но застройка Санкт-Петербурга и его обширных окрестностей ещё сто лет назад включала огромное количество вертикальных доминант. Здесь можно вспомнить описание Москвы как города сотен куполов и главков. Но и Санкт-Петербург, а также его ближайшие окрестности, по данным архитектурно-архивных исследований, до 1917 года имел более тысячи вертикальных доминант – храмов, башенок на рядовых зданиях и сооружениях и т.д. Среди крупнейших исследований феномена исторического силуэта Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургской губернии можно назвать работу О.Н. Захарова [6].

Вертикальные доминанты исторического Санкт-Петербурга и исторической Санкт-Петербургской агломерации – храмы, жилые, общественные и административные здания, промышленные объекты, монументальная скульптура – по их высоте, вертикальным габаритам, по особенностям видимости на городских и пригородных пространствах, по их пространственно-композиционным взаимоотношениям с окружающей их фоновой застройкой можно (хотя и достаточно условно) отнести к шести классам.

- Доминанты 1-го класса – доминанты губернского значения (крупнейшие вертикали Санкт-Петербурга с высотой в 80–100 м и более), их пространственная зона влияния и

расстояния их пространственного восприятия особо впечатляют – до 30–45 км.

- Доминанты 2-го класса – доминанты регионального значения. Доминанты этого класса с общей высотой зданий и сооружений от 70 до 90 м активно воспринимались и воспринимались на расстояниях вплоть до 10–20 км.

- Доминанты 3-го класса – доминанты городского значения. Это был один из самых массовых вариантов строительства вертикальных доминант. Высотные параметры этих зданий и сооружений обеспечивали визуальную организацию пространств с радиусом восприятия в 6–10 км.

- Доминанты 4-го класса – доминанты районного значения. Это были храмы и вертикальные доминанты на гражданских и промышленных объектах массового строительства с высотой главков и шпилей до 40–50 м. Проектируемая и сооружаемая высота этого типа объектов обеспечивала визуальную организацию территорий и пространств, с радиусом в 4–7 км.

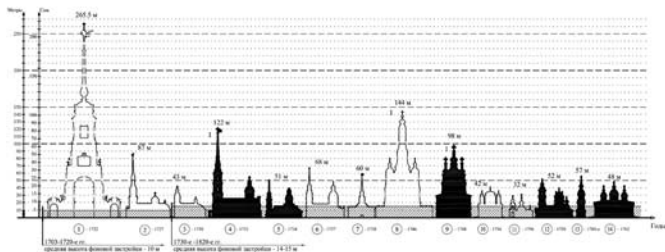
- Доминанты 5-го класса – доминанты местного значения. Ещё более распространённым вариантом были исторические доминанты высотой в 25–40 м. Эти доминанты

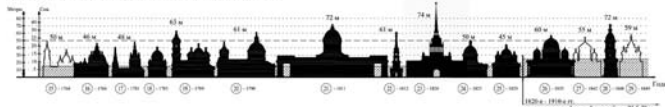
Рис. 1. 1930–1931 годы. Надстройка здания по адресу: Большая Морская ул., 19. Фото 1954 года (источник: Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга БР 40256).

также хорошо читались в визуальном поле, имея радиусы композиционного охвата пространств и восприятия до 2–5 км.

Силуэты высотных сооружений Санкт-Петербурга 1703–1762 гг.

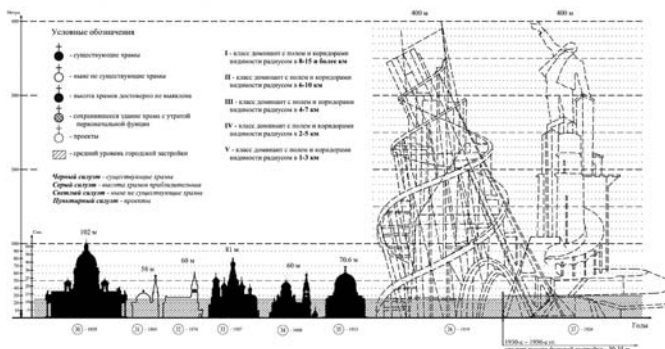

Силуэты высотных сооружений Санкт-Петербурга 1763–1849 гг.

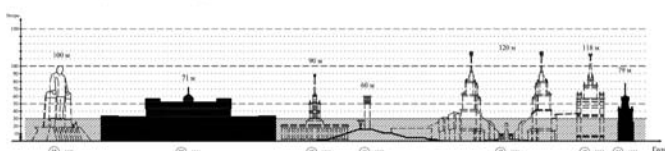
а)

Силуэты высотных сооружений Санкт-Петербурга 1850–1920 гг.

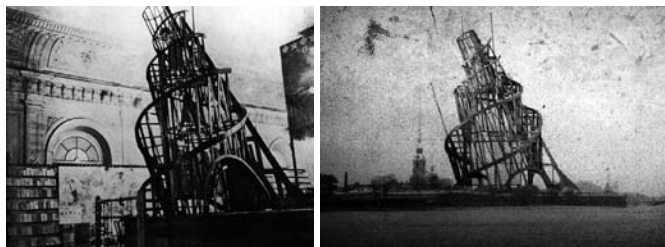
б)

Силуэты высотных сооружений Санкт-Петербурга 1921–1953 гг.

в)

Рис. 2. Высотность вертикальных доминант Санкт-Петербурга. Автор изображений С.В. Куракина: а) 1703–1849 годы; б) 1850–1920-е годы; в) 1920-е – 1950-е годы

а)

б)

Рис. 3. «Башня III Интернационала» («Башня Татлина»). Руководитель авторского коллектива В.Е. Татлин. 1919–1920 годы: а) макет, сооружённый в Петрограде, в мастерских Академии художеств; б) проектное размещение в Петрограде в зоне Трубецкого бастиона и Алексеевского рavelина Петропавловской крепости (?)

• Доминанты 6-го класса – локальные доминанты. Такие доминанты можно разделить на две группы: для верхнего пояса зданий и сооружений (силуэтного восприятия людьми) и для цокольной зоны (зоны ближнего восприятия людьми). Для верхнего пояса зданий (для обеспечения комфортного восприятия линии здания на фоне неба) – доминанты, с общей высотой над уровнем земли к концу XVIII века 20,0–22,5 м, а к концу XIX века – 30,0–35,5 м и с высотой над уровнем карнизов исторических зданий в 2–5–8 м, что обеспечивало превышение над высотой фоновой застройки лишь в 1,1–1,2 раза. А для цокольной зоны восприятия – для зоны уровня человеческого контактного восприятия, можно отметить как многочисленную группу монументальной скульптуры, так и малых архитектурных форм и различных форм растительности (дендрологических объектов). В этом же классе можно увидеть и многочисленную группу часовен разного рода (высотой в 5–10 м каждая), создававших особое акцентирующее символическое и градостроительно-композиционное построение среды.

Сводная диаграмма высотных доминант в сравнении с фоновой застройкой Санкт-Петербурга (1703–1950) выполнена С.В. Куракиной (Крыловой), С.В. Семенцовым, Н.А. Акуловой (рис. 2).

Идея создания в Петрограде серии главных доминант в мире и тем самым усиления роли высотных доминант 1-го класса появилась в первые годы после революций 1917 года – в эпоху развития революционных градостроительных идей на новом этапе развития общества. Она должна была продолжить градостроительные идеи Петра I [см: храмы времён Петра Первого, включая Петропавловский собор, другие соборы и даже маяки (!) высотой более 260,5 м].

Здесь стоит упомянуть проектировавшиеся в Петрограде в 1919 году в зоне Петропавловской крепости: знаменитый Памятник III Интернационалу (известный как «Башня Татлина», высотой в 418 м) и памятник В.И. Ленину (также высотой в 418 м) в январе 1924 года уже на Выборгской стороне в зоне Музея им. Пирогова.

Авторами Памятника III Интернационалу, создававшегося в 1919–1920 годы, был В.Е. Татлин со своими учениками (соавторами) М.П. Виноградовым, И.А. Меерзоном, Т.М. Шапиро.

По воспоминаниям Т.М. Шапиро, всего было выполнено пять макетов памятника с единым по идеям устройством наклонных несущих конструкций и подвешенными к ним крупными объёмами (куба, пирамиды, цилиндра), вращающимися с разной скоростью и отличающимися по деталям (рис. 3). Первый макет был перевезён в 1921 году в Москву на мероприятия III Интернационала, а последующие макеты уже стали московским проектом [7].

Чуть позднее, в январе 1924 года (после смерти В.И. Ленина), петроградскими архитекторами В.А. Шуко и В.Г. Гельфрейхом на Выборгской стороне в зоне Музея Пирогова предполагалось разместить памятник Ленину [высотой в 418 м (?)], как раньше считалось, на Троицкой площади в зоне Петропавловской крепо-

сти, но вероятнее – уже на Выборгской стороне в зоне Музея им. Пирогова, со сносом всех зданий от Петропавловской крепости до Большой Невки, включая «Домик Петра Первого», причём памятник должен был иметь много сходных с «Башней Татлина» деталей. Памятник должен был быть размещён на металлической ярусной платформе с вращающимися объёмно-архитектурными фрагментами. Изображение проекта памятника было включено в сборник «Великий Вождь...» (1924) [8] (рис. 4).

Предложение лидеров петроградского-ленинградского зодчества расположить монументы в зоне Петропавловской крепости, сакрально и неразрывно связав социалистический этап жизни города с императорским этапом, – было явно программным явлением. Причём, в предполагавшейся композиции вдоль Невы слева-направо: «Башня Татлина» – Петропавловская крепость – «Памятник В.И. Ленину» прослеживалась аллюзия на Стрелку Васильевского острова с Ростральными колоннами вокруг здания Биржи (рис. 5).

Позже, в 1931 году, монумент В.И. Ленину с вращающимся цоколем было решено разместить в Москве в виде здания Дворца Советов (высотой 415 м, с высокой цокольной частью, с особо высокой статуей В. И. Ленина). После нескольких конкурсов проект разрабатывали Б.М. Иофан, В.А. Шуко, В.Г. Гельфрейх, несомненно, имея в памяти (или перед глазами) «Башню Татлина» и «Мемориальный памятник в память В.И. Ленину») [9] (рис. 6).

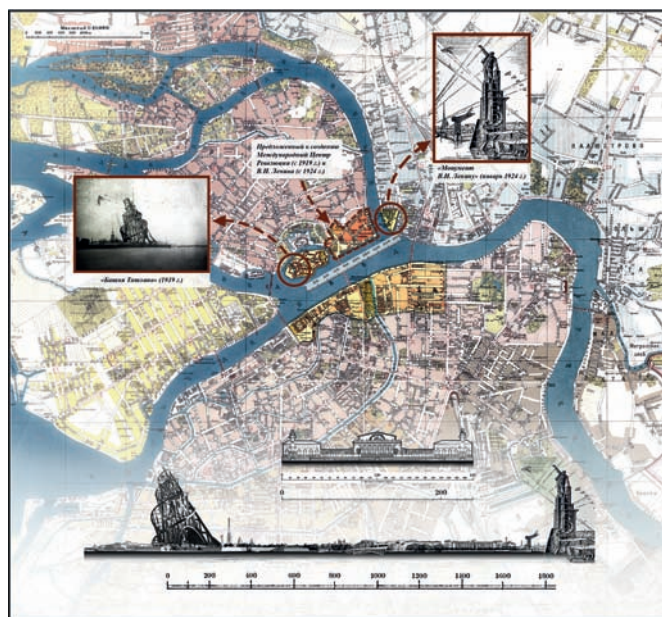

Рис. 5. Схема размещения «Башни Татлина» (1919) и памятника В.И. Ленину (январь 1924) в зоне Петропавловской крепости Ленинграда. Сравнение панорам по Большой Неве: «Башня Татлина» – памятник В.И. Ленину и Стрелка Васильевского острова. Разработали и исполнили С.В. Семенцов и О.П. Цепилова

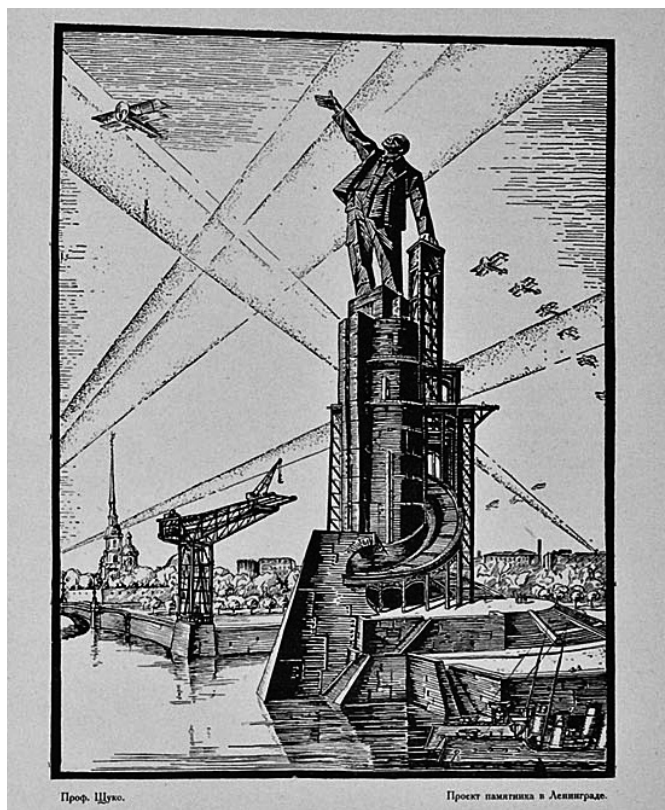

Рис. 4. Проект памятника В.И. Ленину в Ленинграде на Выборгской стороне. Авторы – архитекторы В.А. Шуко, В.Г. Гельфрейх. Январь 1924 года (источник: [8])

Рис. 6. Москва. Проект здания Дворца Советов. Авторский коллектив Б.А. Иофан, В.А. Шуко, В.Г. Гельфрейх. 1931–1950-е годы (источник: https://s0.rbk.ru/v6_top_pics/media/img/0/82/754678787724820.jpeg)

Несмотря на общепринятые и укоренившиеся в настоящее время постулаты о разрывах (то есть – революционности) профессиональной деятельности между дореволюционной и послереволюционной Россией, в статье рассмотрен пример преемственности и неразрывной линии развития. То есть – эволюционности, преемственности в градостроительстве и архитектуре.

Таким образом, отмечена реализация уже советскими архитекторами двухвековой мечты архитекторов Санкт-Петербурга и Императоров по созданию единой системы фоновой застройки и вертикальных доминант 1–6 классов в Санкт-Петербурге–Петрограде–Ленинграде.

Список источников

1. Архитектурная графика эпохи конструктивизма в собрании Государственного Музея истории Санкт-Петербурга: Каталог / Автор-составитель М.Л. Макогонова. – Санкт-Петербург : ГМИСПБ, 2008. – 264 с. – Текст : непосредственный.
2. Бусырева, Е.П. Лев Ильин / Е.П. Бусырева. – Санкт-Петербург : ГМИСПБ, 2008. – 256 с. – Текст : непосредственный.
3. Иконников, А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность : В 2 томах / А.В. Иконников. – Москва : Прогресс-Традиция, 2001–2002. – 672 с. – Текст: непосредственный.
4. Хан-Магомедов, С.О. Архитектура советского авангарда: В 2 томах / С.О. Хан-Магомедов. – Москва : Стройиздат, 1996. – Текст : непосредственный.
5. Лихачёв, Д.С. Небесная линия города на Неве / Д.С. Лихачёв. – Текст: непосредственный // Наше наследие. – 1989. – № 1. – С. 8–13.
6. Захаров, О.Н. Архитектурные панорамы Невских берегов / О.Н. Захаров. – Ленинград : Стройиздат, 1984. – 320 с. – Текст : непосредственный.
7. Пунин, Н.Н. Памятник III Интернационала: Проект художника Е. Татлина / Н.Н. Пунин. – Петербург: Отд. изобразительных искусств Н.К.П., 1920. – 8 с. – Текст : непосредственный.
8. Великий вождь : художественно-литературный сборник / Под ред. Н.А. Семашко. – Москва : Издательство Комиссии помощи детям при Президиуме Моссовета, 1924. – 224 с. – С. 216–217. – Текст : непосредственный.

9. Бархин, А.Д. Ребристый стиль высотных зданий и нео-архаизм в архитектуре 1920–1930-х / А.Д. Бархин. – Текст : непосредственный // Academia. Архитектура и строительство. – 2016. – № 3. – С. 56–65.

References

1. Makogonova M.L.(author-comp.). Arkhitekturnaya grafika epokhi konstruktivizma v sobranii Gosudarstvennogo Muzeya istorii Sankt-Peterburga [Architectural Graphics of the Constructivist Era in the Collection of the State Museum of the History of St. Petersburg], Catalogue. St. Petersburg, GMISPB Publ., 2008, 264 p.
2. Busyрева E.P. Lev Il'in. St. Petersburg, GMISPB Publ., 2008, 256 s. (In Russ.)
3. Ikonnikov A.V. Arkhitektura XX veka. Utopii i real'nost' [Architecture of the 20th Century. Utopias and Reality], in 2 volumes. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2002. (In Russ.)
4. Khan-Magomedov S.O. Arkhitektura sovetskogo avangarda [Architecture of the Soviet Avant-garde], in 2 volumes. Moscow, Stroiizdat Publ., 1996. (In Russ.)
5. Likhachev D.S. Nebesnaya liniya goroda na Neve [Skyline of the City on the Neva]. In: *Nashe nasledie* [Our Heritage], 1989, no. 1. Pp. 8–13. (In Russ.)
6. Zakharov O.N. Arkhitekturnye panoramy Nevskikh beregov [Architectural Panoramas of the Neva Banks]. Leningrad, Stroiizdat Publ., 1984, 320 p. (In Russ.)
7. Punin N. Pamyatnik III Internatsionala [Monument to the III International]. Peterburg, Izdanie Otdela Izobrazitel'nogo Iskusstva N.K.P. [Publication of the Fine Arts Department of the People's Commissariat of Petersburg], 1920 g., 8 p. (In Russ.)
8. Semashko N.A. (ed.). Velikii vozhd' [Great Leader], A collection of fiction and literature. Moscow, Izd-vo Komissii pomoshchi detyam pri Prezidiume Mossoveta [Publishing House of the Commission for Assistance to Children under the Presidium of the Moscow City Council], 1924, 224 p., pp. 216–217. (In Russ.)
9. Barkhin A. Rebristyi stil' vysotnykh zdaniy i neoarkhaizm v arkhitekture 1920–1930-kh [Ribbed Style of the Palace of Soviets and Archaic Motives in Architecture 1920–1930]. In: *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo* [Academia. Architecture and Construction], 2016, no. 3, pp. 56–65. (In Russ., abstr. in Engl.)